ANC

STARTLING STORIES

JAN. 25¢

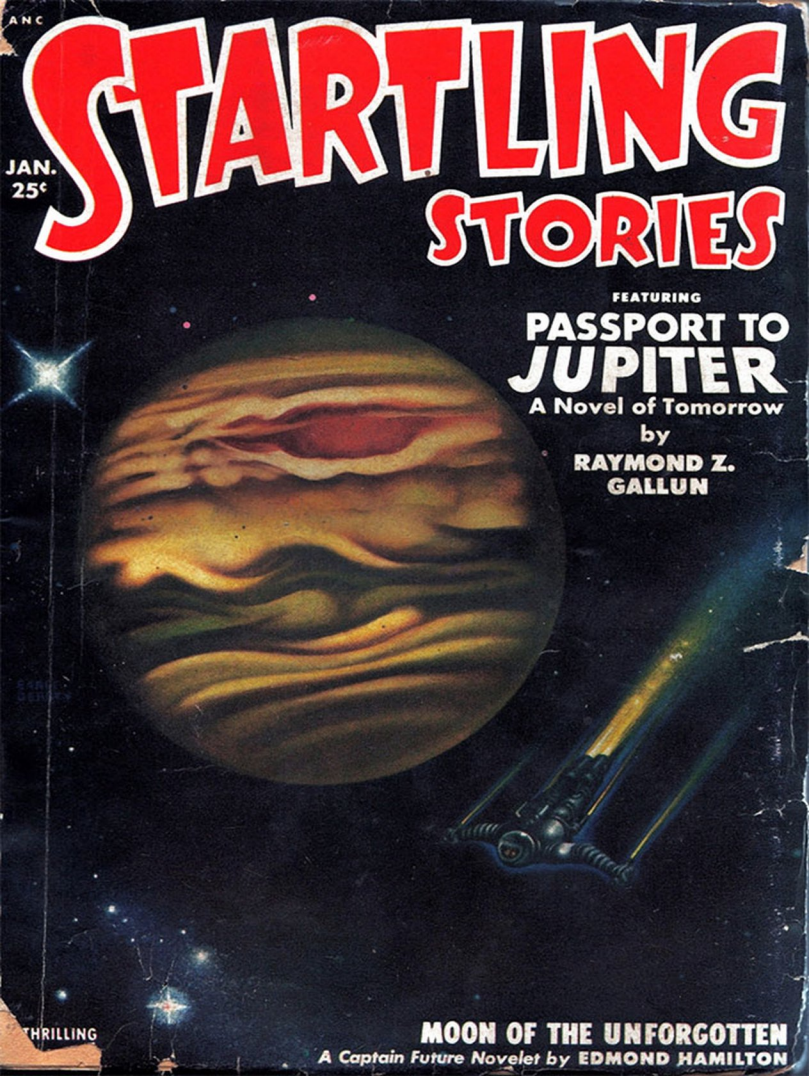
FEATURING

PASSPORT TO JUPITER

A Novel of Tomorrow

by

RAYMOND Z. GALLUN

THRILLING

MOON OF THE UNFORGOTTEN

A Captain Future Novelet by EDMOND HAMILTON

Эдмонд Гамильтон, Ли Брэкетт. Луна Воспоминаний

Эдмонд Мур Гамильтон, Ли Брэкетт

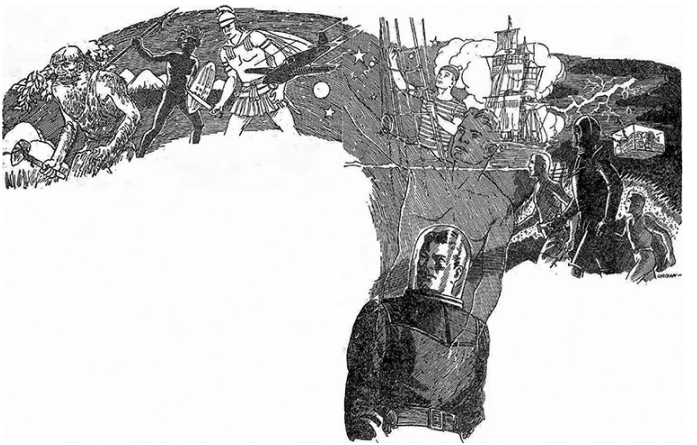
Аннотация
Эдмонд Гамильтон, Ли Брэкетт. Луна Воспоминаний
Глава I. Вторая Жизнь
Глава II. Таверна «Три красные луны»
Глава III. Дом Возвращения
Глава IV. Воспоминания

Аннотация

Курт Ньютон и Ото открывают рискованные тайны Европы — луны Юпитера, где Эзра Гурни, друг Фьючера, стал жертвой мистического культа под названием Вторая Жизнь!

Эдмонд Гамильтон, Ли Брэкетт
Луна Воспоминаний

©Edmond Hamilton, Leigh Brackett, Moon of the Unforgotten, 1951
©Андрей Березуцкий (Stirliz77), перевод, 2026

Глава I
Вторая Жизнь

Машины гудели и шептали — и жизнь человека переменилась. Это был старик, несущий бремя усталости и печали, что свойственны старости. Но теперь это бремя свалилось с его плеч, годы отступили — и он вновь стал молод.

Он чувствовал, как горячая кровь бурлит в жилах, как в нервах звенит возбуждение, как возвращаются пульс и трепет давно забытой юности. Юность снова принадлежала ему — и перед ним вновь раскрывалась целая вселенная приключений, манящая и зовущая: далёкие миры влекли его.

* * *

И Эзра Гурни — тот, кто ещё мгновение назад был стар, издал радостный юношеский крик, откликаясь на этот зов.

Сообщение устремилось к земной Луне, преодолевая миллионы миль пустоты. Оно было отправлено на секретной частоте, известной лишь полудюжине людей.

И в ответ на этот экстренный вызов, сквозь лиги безмолвного вакуума, вылетел корабль, держа курс на Европу, спутник Юпитера. На борту маленького судёнышка находился человек, а с ним — тот, кто когда-то был человеком, и двое других, подобных людям, но не принадлежащих к роду человеческому.

Корабль направился к тёмной стороне Европы, словно падающая звезда, и приземлился в закрытой зоне Патруля космопорта Европолиса. Четверо выбрались из него и огляделись, купаясь в величественном сиянии Юпитера. Затем они услышали лёгкие торопливые шаги и взволнованный голос:

— Курт! — и снова, с отчаянной радостью: — Курт, я знала, что ты поторопишься!

Курт Ньютон сжал в своих ладонях протянутые к нему дрожащие руки девушки. На мгновение ему показалось, что она сейчас разрыдается, и он заговорил с ней с напускной, ласковой грубостью, не давая воли чувствам:

— Что ещё за вздор насчёт Эзры? Если бы это сообщение прислал кто-то другой, а не ты...

— Это правда, Курт. Он исчез. Я думаю... думаю, он уже никогда не вернётся.

Ньютон легонько встряхнул её.

— Да брось, Джоан! Это же Эзра! Он исколесил Систему вдоль и поперёк ещё до нашего рождения, сначала в давние времена освоения космоса, когда он служил в Патруле, а теперь с твоим Третьим Отделом. Он бы ни за что не вляпался ни в какую передрягу.

— Вляпался, — отрезала Джоан Рэндалл. — И если ты перестанешь пытаться меня утешать, я покажу тебе все имеющиеся данные... то немногое, что у нас есть.

Она направилась к невысоким зданиям штаб-квартиры Патруля. Четверо последовали за ней: высокий рыжеволосый мужчина, известный всей Системе как капитан Фьючер, и трое его спутников — верных друзей, которые были ему ближе, чем эта девушка или пропавший Эзра Гурни. Это были Грэг, металлический гигант; Ото, гибкий и проницательный андроид; и Саймон Райт, когда-то бывший учёным-человеком, но вот уже полжизни не имевший человеческого облика.

Именно последний обратился к Джоан. Его голос, металлический и бесстрастный, доносился из искусственного резонатора, вмонтированного в бок его «тела». Это «тело» представляло собой парящий кубически металлический корпус, вме-

щавший в себя всё человеческое, что осталось у Саймона Райта, — его блестящий бессмертный мозг.

— Ты говоришь, — произнёс Саймон, — что Эзра исчез. Куда именно он отправился?

Джоан взглянула на Саймона, пристально наблюдавшего за ней своими похожими на линзы глазами, бесшумно скользя в воздухе на едва заметных тяговых лучах, заменявших ему конечности.

— Если бы я знала куда, я бы не стала скрывать этого от вас, — сказала она с ноткой раздражения в голосе.

В следующее мгновение она виновато добавила:

— Простите. Ожидание совсем меня измотало. Есть в этой Европе что-то такое… она такая древняя, жестокая и какая-то… непостижимо терпеливая.

Ото иронично заметил:

— Тебе не помешала бы двойная порция чего-нибудь крепкого и бодрящего.

В его зелёных, чуть раскосых глазах читалось сострадание, скрывающееся за столь привычной иронией.

Грэг, возвышающийся над всеми механический

гигант, чьё металлическое тело таило в себе силу целой армии, а искусственный разум не уступал человеческому, рокочущим басом задал вопрос. Но Курт Ньютон едва его слышал. Взгляд капитана Фьючера вслед за взглядом Джоан устремился в инопланетную ночь.

Это был далеко не первый его визит на Европу. И он с удивлением осознал, что Джоан облекла в слова именно то, что он сам всегда чувствовал по отношению к этой безмолвной луне — древней-древней луне, на которой время оставило столь глубокие шрамы.

Здесь, по одну сторону от него, сиял огнями и содрогался от грохота современный космопорт, забитый грузовозами и парой-тройкой изящных лайнеров. За космопортом, скрытый за бесплодным хребтом, мерцал огнями Европолис. Но по другую сторону — впереди и позади него — тянулась скорбная панорама древних скал и далёких холмов, задумчивых лесов, окутанных тенями, и великих равнин, застывших в красном зареве Юпитера. То были пыльные пустоши, где уже сотни тысяч лет не паслись стада и не сражались армии.

Леса и равнины были усеяны обглоданными временем костями городов — умерших и поки-

нутых ещё до того, как последние потомки их создателей погрузились в окончательное варварство. Лёгкий, древний ветерок бесцельно блуждал среди руин, стеная так, словно он помнил иные дни и теперь оплакивал их.

Ньютон не смог сдержать лёгкой дрожи. Гибель любой великой культуры — зрелище печальное, а культура, воздвигшая сияющие города Европы, была величайшей из известных — гордая Древняя Империя, некогда властвовавшая над двумя галактиками. Для Курта Ньютона, проследившего тень этой славы до самого её истока, камни этих руин говорили о космической трагедии, о вечной ночи, наступившей после ослепительного полудня человеческого величия.

Сверкающее, строго функциональное здание Патруля вернуло его мысли к действительности. Джоан провела их в небольшой кабинет. Она достала из запертого ящика аккуратную папку с документами и положила её на стол.

— Эзра и я, — сказала она, — занялись этим делом некоторое время назад. Планетарная полиция вела его как обычное расследование, пока не всплыли некоторые странные обстоятельства, потребовавшие вмешательства Третьего Отдела.

— Люди начали исчезать. Не только с Земли, но

и с других планет — и почти все они были пожилыми. В каждом случае, исчезая, они забирали с собой большую часть своего состояния.

— Планетарная полиция выяснила, что все без исключения пропавшие прибывали на Европу. И здесь, в Европолисе, их следы обрывались.

Саймон Райт спросил своим бесстрастным голосом:

— Они не оставили никаких указаний, почему направлялись именно на эту луну?

— Кое-кто оставил, — ответила Джоан. — Некоторые перед отъездом обмолвились о чём-то под названием Вторая Жизнь. Это всё — только название. Но они казались настолько воодушевлёнными и взбудораженными этой идеей, что окружающие запомнили её. — Она продолжила: — Поскольку почти все они были пожилыми людьми, кажется очевидным, что Вторая Жизнь, на которую они надеялись, — это какая-то форма омоложения. Форма, носящая, должно быть, незаконный характер, иначе её не скрывали бы.

Курт кивнул.

— Звучит вполне логично. Вторая Жизнь... Раньше я не сталкивался с этим термином. Впрочем, Юпитер и его луны сохраняли цивилизацию и науку Древней Империи ещё долго после того,

как остальные планеты погрузились в варварство. По сей день обрывки того древнего знания всплывают на поверхность, становясь для нас сущим проклятием.

— Совершенно верно, — сухо сказал Саймон. — Вспомни случай Кеннета Лестера или того марсианина, Ул Кворна. Европа, в частности, всегда имела в Системе репутацию хранилища знаний, утраченных в других местах. Это интереснейшая задача. Мне приходит в голову...

Джоан резко оборвала его, искренне рассердившись:

— Неужели вы с Куртом собираетесь предаваться своей археологической одержимости в такой момент? Эзра, возможно, мёртв или при смерти!

Капитан Фьючер мягко прервал её:

— Спокойнее, Джоан. Ты ещё не рассказала нам, что именно случилось с Эзрой.

Джоан глубоко вздохнула и заговорила уже более сдержанно:

— Когда мы прилетели сюда для расследования, то обнаружили, что прибывшие на планету люди попросту испарились. Сами европеане наотрез отказались с нами разговаривать. Но Эзра не сдавался и в конце концов напал на след. Он выяснил, что пропавшие нанимали местных вер-

ховых животных в таверне под названием «Три красные луны» и выезжали за пределы города.

— Эзра планировал отправиться по их следам в горы. Он велел мне ждать здесь — сказал, что ему нужно иметь здесь своего человека для связи. Я ждала много дней, прежде чем Эзра вышел на контакт по нашей микроволновой рации. Он говорил недолго и отключился — с тех пор я о нём ничего не слышала.

— Что было в его сообщении? — встревоженно спросил Курт.

Джоан достала листок бумаги:

— Я записала его дословно.

Курт начал читать вслух:

— «Слушай внимательно, Джоан! Со мной всё в порядке — я жив, здоров и счастлив. Но я не вернусь, по крайней мере, в ближайшее время. А теперь слушай приказ, Джоан: прекращай расследование и возвращайся на Землю. Я прилечу позже!»

Это было всё.

— Его заставили это сказать! — резко бросил Ото.

— Нет, — Джоан покачала головой. — У нас есть секретный код. Он мог произнести те же самые слова, но дать мне понять, что говорит под

принуждением, просто с помощью определённой интонации. Нет, Эзра говорил по доброй воле.

— Может, он и сам клюнул на этот процесс омоложения, что бы он собой ни представлял? — предположил Грэг.

— Исключено, — решительно отрезал Саймон. — Эзра не совершил бы такой глупости.

Курт кивнул в знак согласия.

— В жизни Эзры было много трагедий, о которых мало кто знает. Потому он всегда и кажется немного мрачным. Он не захотел бы проживать вторую жизнь.

— Вторая Жизнь? — пробормотал Ото. — Название ни о чём не говорит. Но в нём наверняка кроется какая-то подсказка.

Капитан Фьючер поднялся.

— Здесь не место для тонких манёвров и хитроумных планов. Эзра может быть в опасности, так что будем действовать быстро. Мы отправимся в Европолис и заставим говорить тех, кто что-то знает.

Ото вскочил на ноги, его глаза сверкали. Грэг, лязгая металлом, сделал шаг к двери.

— Подожди, Курт, — лицо Джоан выражало беспокойство. — Ты же знаешь, что Патруль не имеет законного права арестовывать граждан

Европы на их собственной планете...

Он невесело улыбнулся.

— Мы не Патруль. И если будут последствия — мы и примем на себя ответственность.

— Да я не о том! — воскликнула она. — У меня такое чувство, что с момента исчезновения Эзры вас, Фьючерменов, здесь ждут — и к вашему появлению подготовились.

Курт Ньютон кивнул с серьёзным видом.

— Весьма вероятно. Впрочем, и мы не то чтобы совсем не готовы. — Он повернулся к остальным: — Саймон, оставайся здесь и изучай данные предоставленные Джоан по этому делу, пока мы не вернёмся. А ты, Грэг, будешь охранять их обоих.

Грэг выглядел и говорил настолько расстроенно, насколько позволяла его физическая конструкция.

— Но неизвестно, во что вы можете вляпаться! Я вам понадоблюсь!

— Джоан ты сейчас нужнее. Она в такой же опасности, как и мы.

Отчасти это было правдой. Верно было и то, что семифутовая лязгающая громада Грэга была чересчур заметной для того, что задумал Курт Ньютон. Ото собрался было об этом сказать, но

Курт остановил его:

— Пойдём.

Он вышел, и Ото последовал за ним, посмеиваясь.

— Прибереги свой юмор на потом, — сухо бросил Курт. — Возможно, прежде чем всё это закончится, мы ещё не раз пожалеем, что с нами нет старины Костолома.

Они быстро зашагали к склону невысокого хребта, за которым лежал город. Под их ногами взметалась мелкая пыль, и древний ветер, извлекая из своей долгой-долгой памяти предания о крови и смерти, пел им об опасности.

Глава II
Таверна «Три красные луны»

Город лежал в неглубокой котловине между двумя отрогами хребта — настолько изъеденного веками, что теперь он напоминал лишь цепочку холмов. Под красным свечением Юпитера величественные башни дремали в кровавом тумане, смягчавшем шрамы разбитого камня. Холодный свет заливал безжизненные колоннады, величественные и пустые проспекты, и с мимолётной жалостью касался безликих памятников, надолго переживших свои давно забытые победы.

Курт Ньютон стоял на тихой тенистой улице и вслушивался в тишину.

На ближнем склоне хребта он видел поселение пришельцев из иных миров, выросшее возле космопорта — оно казалось бесконечно далёким скорее во времени, нежели в пространстве. Там сияли яркие огни, возвышались здания из стали и пластика, увенчанные белым фасадом курортного отеля. В них ощущалось нечто странно непостоянное, зыбкое. Курт сделал три шага по извилистой тропе — и видение исчезло.

Изрытая следами бесчисленных поколений мостовая глухо отзывалась под его ногами. С обеих сторон вздымались стены: одни — лишь пустые оболочки, сквозь изящные арки которых просвечивало медное сияние планеты; другие — ещё целые, с провалами окон, похожими на пристально смотрящие глаза, из которых то тут, то там пробивался лучик света.

Ото, по-кошачьи бесшумно двигавшийся рядом с Куртом, беспокойно передёрнул плечами.

— У меня спина чешется, — сказал он.

Курт кивнул.

— За нами следят.

Вокруг не было ничего, что подтверждало бы его слова, но он знал это так же твёрдо, как и Ото — без всяких доказательств.

Они вышли на широкую площадь, от которой лучами расходилось множество улиц. В самом центре высился крылатый монумент, настолько изъеденный тысячелетиями пыльных ветров, что теперь он напоминал причудливый скелет, чьи источенные крылья застыли на фоне неба. Курт и Ото замерли под ним — две крошечные фигурки рядом с тридцатиметровой громадой зеленоватого мрамора.

На площади ничто не шевелилось. Пустынные

проспекты тянулись вдаль, окаймлённые сгустками тени. Разрушенные дворцы и разорённые храмы, воздвигнутые в честь неведомых богов, стояли неподвижно и угрюмо, храня память о знамёнах и славе, о фимиаме и багряных одеждах.

Лишь на паре улиц теплилась жизнь — там яркими огнями выделялись винные лавки и постоялые дворы.

— Нам туда, — произнёс капитан Фьючер, и они двинулись дальше.

Их шаги гулко отдавались на каменной мостовой.

Они свернули на выбранную Куртом улицу. И пока они шли, вокруг начала собираться толпа — мягко, ненавязчиво. Смуглые люди в пыльных плащах бесшумно выходили из дверных проёмов, из глухих переулков, появляясь из ниоткуда и отовсюду сразу.

Среди них не было молодёжи — горячих бойцов, готовых ввязаться в драку. Большинство — седые, некоторые согбенные, и даже в самых молодых было что-то неуловимо старческое — не в теле, а в духе. Они молчали. Лишь смотрели на высокого землянина и на того, второго, что шёл рядом и лишь казался человеком. Их тёмные глаза поблёскивали; они следовали за чужаками,

окружая их кольцом рваных теней, которое смещалось, перетекало и становилось всё плотнее.

Курт Ньютон почувствовал, как по коже пробежал холодок. Ему стоило немалых усилий не коснуться рукояти оружия.

— Вон там, впереди, — негромко сказал Ото. — Вывеска «Трёх красных лун».

Бесшумно ступающая толпа вокруг них пришла в движение, смыкаясь в живой безмолвный заслон поперёк продуваемой ветром улицы.

Курт остановился. Он не выказывал ни страха, ни даже гнева — только любопытство. Он разглядывал стену из людей с терпением, не уступавшим их собственному.

Вперёд вышел старик с белой бородой. Он был на целую голову ниже землянина, но держался прямо; в его скуластом лице читалась древняя красота и глубокая, величавая, исполненная скорби гордость. Его плащ был так же стар, как и он сам, — серовато-бурый от въевшейся пыли, — но старик носил его с таким достоинством, словно тот был сшит из пурпурных королевских тканей.

Он сказал со странной учтивостью:

— Здесь нет прохода для чужеземцев.

Капитан Фьючер улыбнулся.

— Полноте, отец, — неужели испытывающий

жажду путник не может освежиться глотком вина?

Старик покачал головой.

— Вы пришли не за вином. Вернитесь к своим — здесь вас не ждёт ничего, кроме печали.

— Мне говорили, — медленно произнёс Курт, — что другие приходили сюда в поисках радости.

— Разве не все люди ищут радости? Потому я и говорю вам — возвращайтесь к своим!

Курт посмотрел поверх головы старика, поверх голов других людей — тех, кто уже был стар, и тех, кому следовало быть молодыми, но кто ими не был. Он взглянул на вывеску «Трёх красных лун» и очень тихо спросил:

— Вы собираетесь остановить меня, отец?

Глаза старика были полны невыразимой грусти.

— Нет, — ответил он. — Я не стану вас останавливать. Скажу лишь одно: ни мужчине, ни женщине здесь ещё не причинили вреда и не причинят впредь — но тот, кто явится сюда в поисках смерти, непременно её найдёт.

— Я запомню это, — сказал Курт и снова двинулся вперёд на толпу, Ото следовал за ним вплотную.

Шеренги не размыкались; ряды молчаливых

враждебных лиц стояли недвижно, пока Курт не подошёл к ним почти вплотную. Тогда старик поднял руку и снова опустил её, словно ставя точку. Толпа расступилась, и путь был свободен. Курт прошёл вперёд, а за его спиной люди один за другим снова растворялись в тенях, будто старые листья, подхваченные ветром и унесённые прочь.

Курт и Ото вошли в таверну «Три красные луны».

Общий зал был просторным, со сводчатой каменной крышей, чёрной, словно высеченной из гагата. В углах пылали светильники; два десятка мужчин сидели за массивными старинными столами из металла. Они мельком взглянули на двух незнакомцев и тут же потеряли к ним интерес.

Курт и Ото заняли свободные места; вскоре подошла смуглая девушка, принесла им вино и тут же ускользнула прочь.

Они потягивали крепкую пряную жидкость коричневого цвета. Со стороны они могли показаться обычными космолётчиками, выбравшимися из порта, чтобы провести свободный вечер в старом Европолисе. И всё же они знали, что за ними следят, что в таверне было слишком тихо. Мускулы капитана Фьючера подрагивали

в предвкушении, а взгляд Ото был необычайно внимательным.

Вскоре Ото произнёс на языке, который вряд ли могли здесь понять:

— Тот юнец за соседним столом не сводит с нас глаз с момента нашего прихода.

— Знаю.

Мрачное, свирепое молодое лицо и жадный взгляд были слишком явно обращены к незнакомцам. Курт подумал, что если что-то случится, им придётся иметь дело именно с такими людьми, — с теми, кто ещё не поддался тлетворному влиянию возраста, которое, казалось, настигало европеан в расцвете сил.

Он снова подозвал девушку:

— Мы надумали совершить прогулку в горы, — сказал он. — Можно ли здесь нанять животных?

Лицо девушки осталось бесстрастным.

— Это по части Шарго.

— И где нам найти этого Шарго?

— В конце этого прохода. Загоны примыкают к дому сзади.

Курт положил на стол монету и встал.

— Пойдём, Ото, уже поздно.

Они пересекли общий зал и вошли в проход. Не подавая виду, Курт заметил, что молодой че-

ловек, наблюдавший за ними, поспешно вышел через переднюю дверь, а остальные склонились друг к другу и заговорили вполголоса.

Девушка посмотрела им вслед. На её лице отразилось явное недовольство.

Проход оказался длинным и тёмным. Они быстро прошли по нему, не услышав ничего, что могло бы предупредить их об опасности. В конце прохода был двор с полуразрушенными хозяйственными постройками и хорошо сохранившимся загоном с каменной стеной. Стены были высокими, так как животные Европы — отличные прыгуны, а ворота были сделаны из железных прутьев.

Из развалин одного из сараев к ним вышел человек. Он был стар и немощен. На нём была кожаная куртка конюха, к тому же не слишком чистая. И всё же в нём сквозило то самое выражение, которое Курт уже видел прежде: гордость и некий обращённый внутрь себя взор — словно этот человек видел развевающийся на ветру шёлк знамён и слышал зов далёких труб.

Капитан Фьючер повторил свою просьбу — о двух верховых.

Он ожидал отказа, по крайней мере — уклончивых ответов или споров. Но ничего этого не

последовало. Старик лишь пожал плечами:

— Взнуздывать придётся самим. Днём тут есть парень, который держит эту скотину и может её взнуздать, но дурни, желающие кататься по ночам, пускай ловят их сами.

— Хорошо, — сказал Курт. — Дайте нам недоуздки.

Старик вынес два приспособления из кожаных ремней с железными удилами.

— Хватайте их за гребни, — буркнул он, — и берегитесь передних ног.

Он направился к воротам загона.

Курт огляделся. Двор был пуст. Стояла полная тишина. Ото прошептал:

— Чего они ждут?

— Может быть, хотят, чтобы мы убрались подальше от города, — ответил Курт. — С их точки зрения, ещё одно исчезновение в тёмных холмах куда удобнее.

Ото кивнул.

— Ловушка может ждать нас в другом месте. Эти твари там уже бывали. Они наверняка знают дорогу и без проводников.

— Одно можно сказать наверняка, — произнёс капитан Фьючер. — Где-то им всё равно придётся нас остановить.

Старик поднял тяжёлый засов ворот.

Загон был не слишком велик для табуна, насчитывавшего около двадцати европеанских верховых животных. Они сбились в кучу, дремля в лучах Юпитера — змееподобные чешуйчатые создания с мощными лапами и хвостами, похожими на проволочные плети. Их узкие головы были увенчаны мясистыми жёлтыми гребнями. Звери щурились и взирали на людей блестящими злобными глазами, красными, как тлеющие угли.

— Выбирайте, — сказал старый европеанин, стоя у ворот.

Курт и Ото подошли к загону с уздечками в руках.

При их приближении животные негромко зашипели и попятились. Их мягкие лапы нервно застучали по земле. Курт заговорил вкрадчиво, но табун начал беспокойно перемещаться.

— Кажется, им не нравится наш запах, — заметил Ото.

Курт стремительно протянул руку и схватил один золотистый гребень. Тварь дёрнулась и зашипела, пока он набрасывал грубую узду. И вдруг за их спинами раздался лязг падающего засова. Курт понял: никто не собирался ждать безмолвия

тёмных холмов. Ловушка захлопнулась здесь и сейчас — и они оказались прямо в ней.

Ото, не выпуская своего взнузданного зверя, резко развернулся. Он осыпал старика проклятиями. Курт крепко держал свою строптивую добычу, кружась вместе с ней, чтобы увернуться от когтистых передних лап. Стены загона были высокими и отполированными до зеркального блеска боками животных. Этим путём было не спастись.

Табун заволновался: звери задвигались, шипя и хлеща чешуйчатыми хвостами, их мускулы дрожали от напряжения. Курт крикнул, предупреждая Ото, но было уже слишком поздно.

Через ворота, оставляя за собой шлейф маслянистого дыма, влетел самодельный факел из горящего тряпья. Курт услышал голос старика, сорвавшийся на дребезжащее, пронзительное и властное «Хай-хай!». Следом влетел второй ком дымящейся ветоши, рухнув в самую гущу табуна и окатив животных снопом искр. Мгновенно вспыхнула дикая паника. Звериная ярость, ограниченная четырьмя стенами обратилась против них самих.

Запертые в загоне животные метались, топтали друг друга, визжали и пытались убежать от

дыма и жгучего пламени. Скакун Курта рванулся, потащив его за собой, но тот вцепился в гребень мёртвой хваткой человека, знающего: стоит разжать пальцы, и он погиб. Курт упёрся каблуками в пыльную землю, вывернул голову зверя так, что хрустнули шейные позвонки, и прыгнул, оказавшись сверху и обхватив ногами поджарое брюхо.

Сквозь пыль и суматоху он смутно различил Ото. Обычный человек был бы растоптан насмерть в первые же секунды. Но Ото не был человеком. Быстрый, уверенно стоящий на ногах и невероятно сильный, андроид последовал примеру Курта: он запрыгнул на спину своего брыкающегося скакуна, намертво вцепившись в его гребень.

Это было лишь временное спасение. Обезумевшие звери принялись рвать друг друга. Курт понимал: пройдёт совсем немного времени — и его зверь либо падёт, либо сбросит его. Загон превратился в вихрь мечущихся тел, щёлкающих челюстей, пыли и шума. Долго продержаться в такой свалке было невозможно.

Старый европеанин оставался по ту сторону ворот. В руках у него был ещё один факел. Он медленно водил им из стороны в сторону, не давая животным приближаться к выходу.

Величественный, гордый старик с тонкими чертами лица. Позже он будет искренне сожалеть об этом трагическом происшествии. Он не сможет рассказать ничего, кроме того, что двое космопроходцев выпили вина в трактире, затем, шатаясь, зашли к зверям, напугали их и, к величайшему сожалению, погибли.

Даже в момент яростной борьбы за жизнь Курт успел задаться вопросом: какое странное безумие движет этими людьми? Безумие таинственной Второй Жизни, толкающее их на любые преступления.

Он пытался добраться до ворот, но его скакун споткнулся о другое животное, которое лежало в пыли и крови, содрогаясь в предсмертных судорогах. Курт услышал дикий крик Ото и какой-то шум у ворот. Перенапрягшийся скакун под ним пошатнулся и рухнул. Отчаянным усилием он рванул голову животного назад, заставляя его подняться, принуждая снова встать на ноги — и вдруг мимо него пронёсся поток серо-синих спин и вытянутых шей, визжащий, рвущийся наружу поток — ворота открылись.

Курт боролся со своим скакуном, стараясь удержать его на месте. Рядом Ото верхом на разъярённом демоне выкручивал тому гребень, пока

зверь не зашёлся в крике. Считанные секунды — и они остались в загоне одни: табун промчался через двор и растворился в тёмных переулках.

Старик исчез — по всей видимости, укрылся в одном из сараев.

— Это тот юнец, — тяжело дыша, выкрикнул Ото. — Стой на месте, червячье отродье! Юнец, что следил за нами в трактире — он прогнал старика! Он открыл ворота!

Двор теперь был пуст. Из-за обломков рухнувшей стены выпрыгнула фигура и бросилась бежать.

— Хватай его! — крикнул Курт. — Хватай!

Он вонзил пятки в чешуйчатые бока; тварь зашипела и во весь опор помчалась вслед за ускользающей тенью.

Глава III
Дом Возвращения

Они настигли его. Загнали в узком переулке — этого смуглого юношу с яростным взглядом. Он сопротивлялся, но так и не выхватил оружия.

У Курта не было времени на любезности. Он наклонился и нанёс юноше мощный удар в челюсть, после чего затащил его обмякшее тело к себе в седло.

— Прочь из города, — бросил он Ото. — Туда, к холмам. Там и поговорим.

Они выбрались из лабиринта переулков на широкий проспект, по обеим сторонам которой возвышались массивные арки, ныне разрушенные, с героическими барельефами, разбитыми медленными ударами молотов времени. Курт и Ото мчались в их тенях, только ветер и клубящаяся пыль были им спутниками.

За арками здания закончились. Осталась лишь прямая дорога, уходившая в холмы между двумя рядами древних стел, чётко вырисовывавшихся в свете огромной планеты. За стелами не было ничего, кроме голых склонов и вздохов ветра в

жёсткой сухой траве.

Позади не было ни тревоги, ни погони. Предвещавшая беду ночь была безмолвна и тиха. Капитан Фьючер ехал наугад, пока не нашёл подходящее место. Там он остановился и жестом велел Ото спешиться.

Юноша пришёл в себя. Курт подозревал, что тот очнулся уже давно, но не подавал виду. От тряски в седле у парня перехватило дыхание. Он присел на корточки там, где его оставил Курт, тряс головой и ловил ртом воздух.

Немного погодя Курт спросил:

— Почему ты открыл ворота загона?

Юноша ответил:

— Потому что не хотел вашей смерти.

— Ты знаешь, почему нас собирались убить?

— Знаю. — Он посмотрел на них горящими от гнева глазами. — Да, знаю.

— А-а, — протянул Курт Ньютон. — Значит, ты не поклоняешься Второй Жизни.

Ото рассмеялся:

— Ему — то омоложение точно не требуется.

— Это не омоложение, — с горечью произнёс юноша. — Это смерть. Смерть моего мира и моего народа. Едва у нас начинают расти бороды, как Вторая Жизнь завладевает нами, и мы забываем о

первой жизни, которую ещё даже не успели прожить. Наши стены рушатся вокруг нас, камень за камнем, нам нечем прикрыть тела, и великие перемены в других мирах не касаются нас — но всё это неважно, пока мы живём славной жизнью, Второй Жизнью!

Он вскочил, глядя на Курта и Ото с такой ненавистью, словно перед ним были враги — но видел он не их, а иссохшие и безжизненные лица людей, состарившихся раньше времени, мёртвых людей на умирающей луне.

— Вы, жители других миров, не такие, как мы. Ваша жизнь движется вперёд. Люди учатся и развиваются, поля становятся плодородными, а города — полнятся светом и величием. Даже на ваших старейших мирах есть молодые умы — разве не так?

Капитан Фьючер кивнул:

— Так.

— Да. Но что ждёт молодого человека на Европе? Пыль и грёзы! Перед нами воздвиглась стена, и спустя время мы понимаем, что нам её не сокрушить. Тогда и мы стареем. — Он отвернулся. — Возвращайтесь в свой мир. У вас есть жизнь. Берегите её.

Курт схватил его за плечи.

— Что же такое Вторая Жизнь?

— Смерть, — ответил юноша, — и для тех, кто её проживает, и для тех, кто хочет её разрушить. Мы знаем. Мы пытались.

В глазах Курта Ньютона внезапно вспыхнул огонёк.

— Значит, в городе есть и другие, кто думает так же как и ты?

— О да. Все мы, кто ещё молод, — он рассмеялся. Это был невесёлый смех. — Однажды мы объединились. Мы пошли в долину, злые, полные ненависти, — мы собирались освободить наш мир. А они расстреляли нас в ущелье — старики расстреляли нас!

Он вырвался из рук землянина.

— Я всё сказал. Возвращайтесь в свой мир, пока ещё живы.

— Нет, — тихо произнёс капитан Фьючер. — Мы идём в долину. И ты будешь нашим проводником.

Глаза юноши широко распахнулись. Он сделал шаг назад, но Ото схватил его сзади, лишив возможности двигаться. Парень вертел головой и кричал:

— Три человека там, где сотня наших потерпела неудачу? Вы не знаете Коннура, Стража Второй

Жизни! Вы не знаете, какое наказание ждёт нас! Я — изгнанник! Мне запрещено входить в долину!

— Изгнание, наказание! — голосе Курта Ньютона был полон презрения. — Ты не заслуживаешь своей молодости. Твои кости уже рассыпаются в прах.

Он поднял руку и отвесил юноше пощёчину — легко, нарочито, сначала по одной щеке, затем по другой.

— Ты проведёшь нас в долину. А потом можешь поджать хвост и бежать. Мы покончим со Второй Жизнью и без твоей помощи.

Капитан Фьючер увидел, как в глазах юноши вспыхнуло пламя гнева, а щёки залила краска. Он рванулся, пытаясь высвободиться из железной хватки андроида, и Курт усмехнулся.

— Значит, в тебе ещё осталась немного гордости, если хорошенько поискать! Посади его ко мне, Ото.

Курт вскочил на чешуйчатую спину своего скакуна и подхватил европеанина; Ото поднял того с такой лёгкостью, словно это был ребёнок.

— А теперь, — сказал Курт, — куда нам?

Юноша указал направление.

Они поехали через тёмные холмы, и спустя некоторое время наступил рассвет, застав их

перед сумрачным зевом ущелья — рассвет бледного далёкого Солнца, что был лишь немногим светлее ночи.

Курт спешился и, держа поводья в руках, сказал европеанину:

— Возвращайся к космопорту, на базу Патруля. Скажи тем, кто ждёт нас, где мы.

В глазах молодого человека зажёгся огонёк, маленький лучик надежды.

— А вы? — спросил он.

Курт кивнул в сторону узкого, тёмного прохода в горах.

— Мы идём туда.

— Может быть, — тихо прошептал юноша, — может быть, это правда… и вы сможете покончить со Второй Жизнью — вы и те, кто вас ждёт. О вас знают даже здесь, где мы знаем так мало. Я поеду. И когда я передам ваше послание, я отправлюсь в город, чтобы собрать тех, кто сражался прежде и кто сможет сразиться вновь!

Капитан Фьючер отпустил поводья. Юноша развернул визжащее животное и погнал его обратно к городу. Скакун Ото умчался вместе с ними.

— Будем надеяться, — сухо заметил андроид, — что наш парень не свернёт себе шею по дороге.

Он развернулся и вместе с Куртом зашагал в

темноту ущелья.

— Если Вторая Жизнь — это не омоложение, то что же тогда? — спросил Ото. — Какой-то искусственный сон, вызванный искусственной стимуляцией чувств? Нет, Эзра не опустился бы до такого.

— Нет, не это, — сказал Курт. — Я начинаю думать, что это нечто куда более простое… и страшное.

В ущелье было тихо. С обеих сторон вздымались осыпи битого камня, на которых то здесь, то там ютились чахлые деревца. Здесь, оставшись незамеченной, могла бы укрыться целая армия, но даже острый слух Курта не улавливал никаких звуков, говоривших о присутствии жизни.

И всё же он не удивился, когда, достигнув конца прохода, оглянулся и увидел людей, смыкающих ряды за их спинами.

Он дождался их. То были крепкие мужчины в расцвете лет, но в их глазах уже была заметна тень увядания. Теперь Курт понял, почему молодой европеанин и этих людей называл «стариками».

— Я пришёл поговорить с Коннуром, — сказал им капитан Фьючер.

Тот, кто, судя по всему, был у них за главного,

кивнул.

— Он ждёт вас. Будьте добры, отдайте нам ваше оружие.

У них самих было оружие, и спорить не имело смысла. Курт и Ото отдали его. Затем они двинулись дальше, а люди с глазами стариков пошли следом, дыша им в затылок.

Долина была глубокой, в ней росли леса и протекал узкий ручей. Неподалёку от перевала высился массивный каменный дом, очень длинный и широкий. Он выглядел так, будто в те далёкие времена, когда луна была ещё молода, здесь располагалась какая-то обитель знаний.

— Туда, — указал предводитель на ворота, чьи створки из чистого золота тонкой работы сияли так ярко, словно их повесили здесь только сегодня.

Капитан Фьючер прошёл сквозь них, Ото держался рядом.

Внутри, под сводами прохладных и сумрачных покоев, царила мягкая полутьма; старые плиты пола гулко отзывались на каждый шаг. Величественный дом был лишь каменной оболочкой, лишённой всего, кроме своего прочного скелета. Он был пуст и тих.

Они ждали. И вскоре из глубины длинного

коридора к ним направился человек — высокий, подтянутый и преисполненный достоинства. Он был в возрасте, но не выглядел ни иссохшим, ни увядшим. Его глаза были ясными и яркими — глаза фанатика… или святого.

Глядя на него, Курт понял, что столкнулся с представителем самого опасного вида врагов — человеком, движимым верой.

— Вы Коннур? — спросил он.

— Я. А вы — Курт Ньютон и… ах да, тот, кого зовут Ото. — Коннур едва заметно склонил голову. — Я ожидал вас. Гурни опасался, что девушка пошлёт за вами, несмотря на его сообщение.

— А где Гурни?

— Я отведу вас к нему, — сказал Коннур. — Идёмте.

Он пошёл по длинному тускло освещённому коридору, Курт и Ото последовали за ним. Позади всё так же шли мрачные люди с потухшими глазами.

Коннур остановился перед массивной дверью из какого-то потемневшего металла и толкнул её.

— Входите, — произнёс он.

Капитан Фьючер шагнул внутрь — в длинный низкий зал, где мог бы разместиться целый полк.

И остановился, чувствуя, как по спине пробежал странный холодок. Рядом Ото резко втянул воздух.

В этом месте царило безмолвие. Но, в то же время, его окутывал звук — глубокое и мягкое гудение, лишь делавшее тишину ещё более гнетущей.

Вдоль стен тянулись ряды мраморных плит — погребальные ложа, глубоко продавленные бесчисленными телами. Над каждой плитой возвышалась укрытая кожухом машина — столь же древняя, как и сам мрамор, созданная по принципам, совершенно чуждым любой земной технике. За ними с любовью ухаживали, но даже несмотря на это, некоторые из них выглядели изношенными и пришедшими в негодность. Машины и издавали это гудение — убаюкивающую, вибрирующую песнь сна.

На плитах лежали мужчины и женщины. В неверных тенях Курт быстро сбился со счёта. Они лежали, словно в забытьи: их конечности были расслаблены, лица безмятежны. Вокруг головы каждого спящего был закреплён обруч из незнакомого металла с круглыми электродами на висках. Электроды соединялись — не проводами, а щупальцами сияющей энергии — с нависаю-

щим над людьми механизмом, из-под кожуха которого изливался бледный свет.

— Вот они, — прошептал Ото. — Все те старики, что бесследно исчезли из других миров.

Старики, старухи — печальные, обременённые заботами, утомлённые. Они спали здесь на древних камнях, и Курт видел, что на их лицах застыл не просто покой. То было счастье — радость юных дней, когда солнце светило ярко, тело было полным сил, а завтрашний день казался лишь лёгкой дымкой на горизонте.

Среди спящих было много европеан, и они тоже обрели счастье под гудящими машинами. Но на их лицах отражалась иная радость — возвышенная гордость, словно за сомкнутыми веками проплывали видения величия и былой мощи.

Коннур поманил их за собой:

— Здесь спит ваш друг.

Курт замер у плиты, глядя в лицо Эзры Гурни. Это лицо было для Курта почти отцовским — и всё же сейчас оно не было тем суровым лицом, которое он помнил. Угрюмость исчезла, шрамы времени и боли разгладились. На губах блуждала улыбка — улыбка молодого человека, юноши, чьё сердце ещё не разучилось смеяться.

— Разбудите его! — воскликнул Курт.

Но Коннур ответил:

— Ещё не время.

Ото спросил:

— Но… это всё иллюзия? Он одурманен наркотиками или просто видит сны?

— Нет, — ответил Коннур. — Он вспоминает… возвращается… проживает заново. У каждого человека в жизни есть мгновения, которые он хотел бы пережить ещё раз. Гурни вернулся в пору своей юности. Он молод. Он ходит, говорит, чувствует — и проживает всё так, как он прожил всё тогда. Вот что мы называем Второй Жизнью.

— Но как? — спросил Курт. — Каким образом?

— Эти приборы древних, — пояснил Коннур, — позволяют человеку вспоминать — не просто видеть мимолётные образы, а всё до мельчайших деталей, так что он полностью переживает заново то, что когда-то было в его памяти.

Курт начал понимать. Каждое пережитое событие оставляет новый нейронный путь в синаптическом лабиринте мозга, а краткое повторное прохождение по этому пути пробуждает частичное переживание, называемое «памятью».

Психологи двадцатого столетия ещё давным-давно предполагали, что процесс, названный ими «реинтеграцией», способен зацепиться за

одно-единственное сохранившееся впечатление и вызвать из него все те многочисленные чувственные образы, частью которых оно когда-то являлось. Тонкие зондирующие лучи этих машин осуществляли «реинтеграцию» в самом полном смысле этого слова.

— И воспоминания отцов погребены в мозгу сыновей, — продолжал Коннур. — Те области мозга, что раньше считались бесполезными, на самом деле — великое хранилище родовой памяти, унаследованной благодаря невообразимо тонким изменениям в хромосомах, природу которых не до конца понимали даже древние.

— Значит, вы можете проникать в эти слои унаследованных воспоминаний? — воскликнул Курт. — Насколько далеко?

— Далеко, бесконечно далеко, — ответил Коннур. — Вплоть до дней былого величия нашего мира. И разве удивительно, что мы предпочитаем жить в великом прошлом Европы, а не в её печальном настоящем?

Капитан Фьючер рассудительно проговорил:

— Но это же отказ от единственно настоящей жизни. Это бегство. Это умирание.

— И одновременно это слава, триумф и радость, — возразил Коннур.

Он протянул руку и коснулся гудящего механизма. В этом жесте было нечто благоговейное.

— Мы не до конца понимаем эти машины, дарующие нам Вторую Жизнь. Знания древних утрачены. Но мы можем копировать их деталь за деталью. Вы сами видите: многие из них изношены и не подлежат починке. Нам требовались редкие металлы, радиоактивные вещества, служащие сердцем машины. На Европе их больше не найти, поэтому нам нужны были деньги, чтобы покупать их в других мирах и строить новые механизмы. Вот почему мы привозили этих людей сюда.

Он кивнул в сторону стареющих жителей Земли и других планет, прибывших на Европу, чтобы вновь пережить прошлое.

Капитан Фьючер повернулся к Коннуру. Его слова почти в точности повторили сказанное молодым европеанином.

— Это не жизнь, а смерть! Ваши города разрушаются, ваш народ вымирает. Яд Второй Жизни уничтожает ваш мир, и происходящее нужно остановить!

— И вы, — мягко спросил Коннур, — вы остановите происходящее?

— Да! Я послал за остальными Фьючерменами,

а за ними прибудет Патруль — и сотни человек из вашего народа, Коннур: молодых людей, предпочитающих прожить одну жизнь, а не умирать в двух.

— Возможно, так и будет, — сказал Коннур. — И всё же кто знает? Человек по имени Гурни пришёл сюда, чтобы остановить всё это. Но передумал. Возможно, и вы измените своё решение!

Курт бросил на него презрительный взгляд:

— Вы не соблазните меня воспоминаниями о моей юности. Они слишком близко, прямо у меня за спиной, и большинство из них были не самыми приятными.

Коннур кивнул.

— Я и не собираюсь действовать столь примитивно. Есть и другие воспоминания. Вся Система знает о вашей многолетней борьбе — о стремлении проникнуть в древнейшее прошлое, в утраченную космическую историю человечества. *Вы сами сможете пожить в этом прошлом. Через наследственную память вы сможете вновь увидеть эпоху Старой Империи… а возможно, и времена до неё.*

Он улыбнулся и медленно добавил:

— Вы жаждете знаний. А в Второй Жизни нет пределов тому, что вы могли бы узнать!

Курт молчал. В его глазах мелькнуло странное выражение.

Ото рассмеялся, и его смех прозвучал необычайно резко.

— Мне это ни к чему, Коннур. У меня не было предков!

— Я знаю. Стража позаботится о вас.

Коннур повернулся к Ньютону.

— Ну так что?

— Нет, — ответил Курт с неожиданной резкостью. — Нет! Я не хочу иметь с этим ничего общего.

Он резко обернулся и обнаружил перед собой плотную стену людей, преграждающих путь.

Голос Коннура вкрадчиво прозвучал за его спиной:

— Боюсь, у вас нет выбора.

Пребывая в нерешительности, с побелевшими губами, Курт Ньютон перевёл взгляд с Коннура на стражу и обратно. По его телу пробежала дрожь — скорее от возбуждения, чем от страха.

Ото вздохнул.

Стражи сделали небольшой шаг вперёд. Курт пожал плечами. Он поднял голову и бросил на Коннура вызывающий взгляд, а тот указал на пустую плиту.

Капитан Фьючер лёг в углубление. Мрамор под ним был холодным.

Появился ещё один человек — старик в поношенной одежде. Он занял место у управления машиной. Коннур надел на голову землянина металлический обруч, прижав холодные пластины к его вискам. Затем улыбнулся и поднял руку.

Машина загудела, оживая. Слабое сияние осветило лицо Курта, а затем из него вырвались два сияющих энергетических щупальца и устремились вниз.

Они коснулись обоих электродов. Курт Ньютон почувствовал вспышку огня внутри черепа, а затем наступила тьма.

Глава IV
Воспоминания

Один за другим разрозненные, далеко отстоящие друг от друга фрагменты его прошлого внезапно становились для Курта Ньютона живыми и реальными. Каждый из них уносил его всё дальше вглубь времён. И он не просто вспоминал их. Он проживал каждый миг всеми пятью чувствами, практически всем своим сознанием.

Практически всем — но не всем. Какая-то часть его разума оставалась в стороне от этого невероятно яркого воссоздания воспоминаний и лишь наблюдала за происходящим.

Вот он идёт размашистым шагом вместе с Ото, Грэгом и плавно летящим рядом Саймоном по укрытому ночной тьмой миру. В небесах полыхает исполинский, потрясающий воображение звёздный поток галактики Андромеды, а впереди из тьмы проступают очертания могучего Зала Девяноста Солнц…

Вот он на мостике «Красной Надежды», корабля Борка Кинга. Этот могучий марсианский пират стоит рядом с ним, а тормозные ракеты бешено

грохочут — они на огромной скорости приближаются к багровой, угрюмой сфере Мира Изгоев...

Он бежит, бежит к кораблям. Весь мир под его ногами содрогается и ходит ходуном, небо испещрено молниями, и воют великие ветры. Он снова на Катаине — этом затерянном во времени мире, несущемся навстречу своей окончательной катастрофической гибели...

— *Дальше, ещё дальше...* — шептал далёкий голос, и гудение машин, казалось, становилось всё громче.

— Ты сделаешь, как я скажу, Кертис!

Курт стоял, упрямо глядя в неумолимые глаза Саймона Райта, в коридоре лунной лаборатории под кратером Тихо. Ему было всего четырнадцать лет, и он всем сердцем ощущал негодование подростка, вызванное ограничениями и мнимой несправедливостью.

— Всё, что я видел в жизни — это место, тебя, Ото и Грэга, — проворчал он. — Я хочу на Землю, на Марс, на все другие миры.

— Когда-нибудь ты там побываешь, — ответил Саймон. — Но не раньше, чем будешь готов. Грэг, Ото и я вырастили тебя здесь, готовя к тому, что грядёт. И когда придёт время, ты отправишься...

Он видел плохо. Он мыслил плохо. У него были

глаза младенца — и разум младенца.

Большая главная комната Лунной лаборатории. Мужчина и женщина лежат на полу, а над ними стоят другие люди с оружием.

Саймон Райт, направив свои глаза-линзы на этих людей, бесстрастно произносит:

— Вы заплатите за это очень скоро. Смерть уже близко.

Слышится топот бегущих ног. Грэг и Ото влетают в комнату. Жуткий гулкий крик вырывается из груди металлического гиганта, и он бросается вперёд.

Младенческими глазами Курт видит лишь вихрь мелькающих фигур, вспышки света — и вот уже Грэг и Ото стоят над истерзанными телами врагов.

Сцена померкла — но отстранённый, незатронутый переживаниями уголок взрослого сознания Курта знал, что он только что увидел смерть своих родителей и месть Фьючерменов...

— *Назад, за пределы его собственных воспоминаний!* — прошептал голос. — *К воспоминаниям его отца, и отца его отца...*

Он оказался в кабине древнего самолёта двадцатого века. Курт чувствовал — чувствовал так ясно, хоть и понимал, что это ощущения его

предка из далёкого столетия, — нарастающие перегрузки, когда бросал машину в вираж, чтобы спикировать на цель...

Он стоял на раскалённой солнцем палубе старого парусника; на море царил полный штиль, и паруса свисали безжизненными полотнищами. Он направился к корме...

Он был одним из множества людей, облачённых в бронзу и кожу, с длинными копьями в руках. Они вбегали в поселение, состоящее из грубо сколоченных хижин, и где-то раздавались пронзительные крики...

Под сумрачным небом на иссохшем буром склоне холма стоял он, дикарь в звериных шкурах. Пронизывающий ветер шевелил пожухлую траву, но он заметил на склоне движение, не имевшее отношения к ветру, и поудобнее перехватил тяжёлый каменный топор...

— *Ещё дальше*...

Гром сотряс ночное небо и раскатился эхом над городом сверкающих башен, видневшихся неподалёку. Один за другим огромные лайнеры величественно опускались на землю.

Курт Ньютон — или тот далёкий предок, чью жизнь он теперь проживал заново, — с праздным интересом обратился к серьёзному человеку в

длинных одеждах, идущему вместе с ним к терминалу космопорта.

— Посмотрим, что за чинуш Денеб пришлёт нам на этот раз! Должен признаться, эти пресыщенные столичные умники с их покровительственным отношением к нашей Земле и всей Системе уже действуют мне на нервы!

— Но в конце концов, мы лишь крошечная часть Империи, — напомнил ему собеседник. — Администраторы, вынужденные думать о мирах по всей Галактике, не могут считать нашу маленькую Систему чем-то особенно важным.

— Она важна! Пусть в ней всего девять маленьких миров, она так же важна, как любая другая часть Империи!

— Возможно, когда-нибудь так и будет. Империя будет существовать вечно, и когда-нибудь...

И в тот самый миг, когда сцена сменилась, наблюдавший за происходящим уголок сознания Курта понял, что на мгновение он действительно оказался в легендарной Старой Империи...

— *Ещё дальше... дальше...*

Он слышал, как по всему кораблю разносится песня. Старинная песня, что была подобна развевающемуся знамени; песня, которую они пели поколениями на борту могучих кораблей, бороз-

дящих бесконечную межгалактическую пустоту.

«Сколько, сколько веков прошло с тех пор, как умер последний из Перворождённых — тех, кто поднял нас из праха! Сколько столетий минуло с тех пор, как мы, люди, отправились в путь!»

Он слушал и смотрел вперёд, в иллюминатор, но видел лишь ту же вечную картину — бескрайнюю бездну космического океана, в которой сонмы далёких галактик казались лишь точками света.

Все, кроме одной галактики впереди — могучего, похожего на колесо, звёздного континента, медленно, очень медленно превращавшегося во вселенную огня и великолепия.

«Во имя искусств, которым научили нас Перворождённые, во имя священного завета, что они нам оставили, мы идём вперёд, чтобы воплотить в жизнь их космическую мечту!»

Ослепительное откровение коснулось лишь той малой части его сознания, что всё ещё оставалась Куртом Ньютоном — откровение о том первом, эпическом пришествии людей, призванных основать древнюю Империю и исполнить наказ таинственных Перворождённых.

Если бы он мог ещё немного послушать эту песню, этот походный марш древней человече-

ской расы, идущей навстречу своей судьбе из немыслимой дали! Если бы он мог услышать ещё хоть что-то...

— Сейчас? — произнёс голос, и свет обрушился на всё вокруг, и он снова стал Куртом Ньютоном, лежащим на холодной плите и просыпающимся... просыпающимся...

Это пробуждение было жестоким, невыносимо жестоким — зайти так далеко и всё же не достичь конца! Он услышал собственный крик — бессвязную, яростную мольбу о том, чтобы машина снова загудела, чтобы она снова отправила его память назад, по бесконечной нити времени.

Затем его зрение прояснилось, и он увидел наблюдавшего за ним Ото, взгляд его зелёных глаз был расчётлив и ироничен. Он увидел улыбающегося Коннура...

Курт сорвал металлический обруч и резко поднялся. Его руки дрожали, и он почему-то не мог встретиться взглядом с Ото. Он попытался заговорить, но слова не шли, а в его сознании, уже тускнея, всё ещё звучала та песня и сиял ослепительный свет нетронутых, новых галактик, ждущих своих покорителей.

Он вздрогнул, и Коннур сказал так, словно прекрасно знал, что творится в мыслях землянина:

— Останьтесь здесь. Вы можете приказать остальным уйти… и остаться, чтобы последовать за своей собственной мечтой. Для памяти человека нет пределов.

— Один предел всё же есть — начало. Время до того, как появились люди… до Перворождённых. Кто они были? Где? Как?

— Узнайте, — тихо сказал Коннур. — Отошлите остальных, когда они прибудут. Останьтесь и узнайте.

И вдруг — словно из невероятной дали — до Курта донёсся звук боя в долине.

На мгновение он замер, разрываясь между песней затерянных эпох и беспощадным настоящим. Затем он неистово, словно вынужденный действовать против своей воли, рванулся с места. Он сорвал металлический обруч с головы Эзры Гурни, затряс его и закричал:

— Просыпайся, Эзра! Просыпайся!

Стражи качнулись вперёд. Ото резко бросил:

— Стоять! Если вы коснётесь его сейчас, это будет означать полное уничтожение для вас всех.

Коннур прислушался к звукам боя в долине. Он вздохнул и жестом приказал стражам остановиться.

— Да, — сказал Коннур, — давайте подождём.

Умереть мы всегда успеем.

Эзра Гурни смотрел на Курта растерянным взглядом, полным непонимания и боли.

Капитан Фьючер отвернулся. Потом твёрдо проговорил:

— Коннур, ступайте и прикажите своим людям сложить оружие. Кровопролитие ни к чему.

— Возможно, — ответил Коннур, — для нас было бы лучше пасть в бою за Вторую Жизнь.

Курт покачал головой.

— Второй Жизни на Европе должен прийти конец. Привозя сюда людей с других миров, вы дали Планетарной полиции и Правительству повод для действий — и они отреагируют очень быстро. Но...

Глаза Коннура вспыхнули.

— Но?..

— Но её не обязательно уничтожать. Ступайте же, поговорите со своими людьми.

Коннур замешкался, не сводя глаз с Курта. Затем резко развернулся и ушёл. Курт взял Эзру Гурни за руку и мягко сказал:

— Вставай, Эзра. Пора идти.

Старик медленно поднялся на ноги, но тут же снова опустился на край плиты, закрыв лицо руками.

Немного погодя он сказал:

— Я не мог иначе, Курт. Это был шанс вернуться в те времена, когда я был молод... когда мы были вместе и когда всего этого ещё не случилось...

Курту не нужно было спрашивать, кого он имел в виду под словом «мы». Он был одним из немногих, кто знал о трагедии Эзры — историю о любимом брате, которого Эзре много лет назад пришлось убить, когда тот стал космическим преступником.

Он положил руку на плечо Эзры.

— Конечно, — сказал он. — Конечно, я всё понимаю.

Эзра поднял на него взгляд.

— Да, — пробормотал он, — думаю, ты понимаешь. Что ж... — Он встал, пытаясь подобрать какие-то слова, что-то привычное и обыденное. — Что ж, полагаю, мне не остаётся ничего другого, кроме как пойти и встретиться с Джоан. Она очень злится?

— Сейчас — нет, — ухмыльнулся Ото, — но обязательно будет!

Эзра благодарно улыбнулся в ответ, но на сердце у него по-прежнему было тяжело.

Они вышли из обители спящих и по длинному проходу направились к внешним залам. Шум

битвы утих. Послышался многоголосый гул, а затем через высокие ворота тяжёлой, могучей поступью вошёл Грэг.

Он проревел:

— Ты в порядке, Курт? Я так и знал, что Ото втянет тебя в неприятности!

Рядом с ним плавно скользил по воздуху Саймон Райт, а за ними теснилась толпа возбуждённых, покрытых пылью молодых европеан, похожих на стаю волков.

— Нам уничтожить их сейчас? — кричали они. — Разбить машины?

— Нет! — отрезал Курт. — Попридержите свой нрав! И слушайте. Коннур! Где Коннур?

Его вытолкнули вперёд из толпы. С ним обошлись грубо, но, не смотря ни на что, он не утратил своего достоинства и гордости. Коннур стоял и ждал.

Курт Ньютон заговорил медленно, чтобы каждый мог расслышать и понять его слова:

— Вот моё предложение. Многие из стариков так долго жили в памяти Второй Жизни, что без неё они просто умрут. К тому же сам секрет этой технологии слишком ценен, чтобы его терять.

— Поэтому я предлагаю следующее решение: машины будут перевезены на одну из малых

необитаемых лун этой системы, и все желающие смогут отправиться вслед за ними. Это станет своего рода карантином под надзором Планетарной полиции, а Европа навсегда избавится от Второй Жизни. Вы согласны?

Он посмотрел на Коннура. У того не было выбора — и он это понимал. Но ему было всё равно, пока его заветная мечта оставалась в безопасности.

— Да будет так, — ответил Коннур. — Это лучше, чем я надеялся.

— А вы? — обратился Курт к молодым европеанам. — Каково ваше слово?

Они долго переговаривались между собой. Сжимали кулаки и спорили, горя желанием всё разрушить, но в конце концов юноша, пришедший вместе с Куртом и Ото из города, выступил вперёд и сказал:

— Если Вторая Жизнь навсегда покидает этот мир, мы не будем вам препятствовать. — Он помолчал и добавил: — Мы ваши должники. Если бы не вы, мы бы никогда не обрели свободу.

Курт почувствовал огромное облегчение — куда большее, чем полагалось при спасении лишь крупицы древних знаний. Вот только он снова избегал взгляда Ото и — тем более — холодного

пронзительного взора глаз-линз Саймона Райта.

Он сказал Коннуру:

— Значит, решено. Разбудите спящих, дайте им время всё обдумать и сделать выбор. Я позабочусь о том, чтобы всех желающих перевезли и устроили на новом месте.

Он взял Эзру за руку, выводя его из задумчивости, в которую тот снова погрузился.

— Пойдём, — сказал он. — Мы здесь закончили раз и навсегда.

* * *

Они шли по космопорту вшестером — Фьючермены, Джоан и Эзра — направляясь к кораблям, залитым багровым заревом Юпитера. И Саймон Райт произнёс то, что занимало его мысли все эти дни, пока Курт трудился, завершая переселение добровольных изгнанников на далёкую пустынную луну.

— Ты сделал это из жалости к ним, Курт, или сам хотел когда-нибудь снова прожить Вторую Жизнь?

Курт, помедлив, ответил:

— Я не уверен. Слишком опасно заигрывать с такими вещами, и всё же... так можно было бы обрести великое знание. Если бы человек мог быть

уверен в себе, в крепости собственного разума…

Он покачал головой, и Саймон сухо заметил:

— Последнее, в чём человек может быть уверен — это в силе собственного разума.

Ото взглянул на Грэга.

— А тебе действительно стоит как-нибудь попробовать, Грэг.

— Вторую Жизнь? — пророкотал Грэг. — Ну, если подумать, может, и впрямь стоит.

— Безусловно, — подтвердил Ото. — Будет крайне любопытно узнать, что чувствовал твой предок-чугун, когда его плавили в горне.

Грэг повернулся к нему.

— Послушай, андроид...

Курт оборвал их перепалку, и они прибавили шагу, направляясь к кораблям.

Но Эзра шёл последним — медленно, и тень всё ещё лежала на его морщинистом лице, когда он оглянулся назад — на прошлое, на яркие утраченные дни, которые он никогда не забудет.